

накопления с материалами изучаемого вопроса. В. Н. Перетц не делал различий между источниковедческими, текстологическими разысканиями и теоретическими построениями — последние должны основываться на фундаменте реальных данных; в понятие литературной истории памятника им включалась вся история произведения — и творческая и нетворческая.

В. Н. Перетц придерживался принципа, выдвинутого в 60-х годах прошлого века Ф. И. Буслаевым: для истории литературы важны как первостепенные, так и второстепенные авторы. Этим объясняется интерес В. Н. Перетца к «рядовым» явлениям литературы. Как ученого В. Н. Перетца отличал строго исторический подход к фактам древней литературы, изучение социальных условий существования произведения, условий его распространения в определенной среде. Русский ученый, много лет занимавшийся, помимо русской литературы, историей литературы украинской, требовавший всегда строгой проверки всех фактов, В. Н. Перетц явился одним из предшественников советского литературоведения. В. Н. Перетц провел четкую границу между критикой и наукой — эта важная мысль Д. С. Лихачева звучала потом почти в каждом докладе участников конференции и, в частности, в докладах канд. филол. наук А. С. Демин и А. (Москва) и А. М. Панченко (Ленинград) по истории русского стиховорства и русского театра.

Доклад А. М. Панченко раскрыл глубину не ослабевающего с годами интереса В. Н. Перетца к одному из самых сложных явлений — к возникновению и истории русского стиховорства. А. М. Панченко показал, как в круг научных интересов В. Н. Перетца вошла тема «Восточнославянская книжная поэзия XVII—XVIII вв.» Силлабические стихи были известны и до В. Н. Перетца, сказал докладчик, однако один В. Н. Перетц ввел в научный оборот больше материала, чем все его предшественники, вместе взятые. А. М. Панченко заметил, что занятия «поэтической археологией», по выражению самого В. Н. Перетца, позволили ему «свести отдельные фрагменты в картину, создать схему возникновения и движения искусственной поэзии — схему, которой без существенных изменений и дополнений мы пользуемся по сию пору». Изучая украинские вирши и песни по многочисленным записям XVI—XVIII вв., В. Н. Перетц пришел к выводу о несоответствии теории и практики стиховорства. Он выдвинул тезис о стихийном заимствовании польской версификации на Украине и позднее в Москве, наметил две линии в развитии стиха в конце XVI в.: относительный силлабизм, предшественный деятельностью Герасима Смотрицкого и Острожского кружка в целом, и линию изосиллабизма, выразившуюся наиболее полно в творчестве Андрея Рымши. Изучение В. Н. Перетцем истории русского стиховорства привело

его интересы к эпохе замены силлабики силлаботоникой, к выявлению в зрелой силлабике тенденции к тонизации. В. Н. Перетц первым ввел в историю русского стиховорства имена двух немецких версификаторов — пастора Э. Глюка и магистра И. В. Пауса, сказал А. М. Панченко. Кроме того, В. Н. Перетц охарактеризовал начало XVIII в. как «начальный период русской светской лирики, которая возникла в результате падения эстетических запретов, тяготевших над классической силлабикой Симеона Полоцкого и его школы».

В. Н. Перетц дал анализ сентиментально-манерного стиля петровской поэзии, драмы и прозы, и этот анализ полностью сохраняет значение в наши дни. А. М. Панченко назвал В. Н. Перетца первооткрывателем многих тем и явлений, примером чему может служить жанр покаянных стихов, на который обратил внимание В. Н. Перетц и который ждет еще своего исследователя. Современные работы в области древнерусской поэзии так или иначе основываются на разысканиях В. Н. Перетца, заключил А. М. Панченко, и это лучше всего доказывает огромную весомость вклада, который он внес в филологию.

А. С. Демин посвятил свой доклад характеристике того периода изучения раннего русского театра и драматургии, который он назвал «перетцовским» в отличие от предыдущего «тихонравовского» периода. Сопоставляя работы В. Н. Перетца по русскому театру с исследованиями других ученых, А. С. Демин показал, какую роль для формирования В. Н. Перетца как историка литературы сыграла известная дискуссия о задачах литературоведческих изысканий, развернувшаяся в самом начале XX в., как работа В. Н. Перетца по изучению театра привела его к серьезным занятиям народным театром и как широкая эрудиция и знание рукописного материала позволили В. Н. Перетцу прокомментировать почти весь репертуар русского театра конца XVII — начала XVIII в.

А. С. Демин напомнил участникам сессии о том, что В. Н. Перетц большое внимание уделял рассмотрению «малых» драматических жанров — декламации и диалога, — не замеченных Н. С. Тихонравовым.

В. Н. Перетцем впервые был поставлен вопрос об эстетике старинного русского театра. По мнению В. Н. Перетца, сказал А. С. Демин, зрителей пьес того времени «эстетически волновала» игра, переливы трагического и комического, высокого и шутовского, вырисовывавшегося на фоне драматизации библейского, давно знакомого сюжета. Русский театр, писал В. Н. Перетц, знал два основных тона, две краски: пафос и бесцеремонную, не знающую границ шутку. Разработка В. Н. Перетцем вопроса о происхождении русского театра и драматургии существенно дополнила работы Н. С. Тихонравова в этой области. В. Н. Перетц не успел создать цельную историю ранней